

ПРОВИНЦІЯ ВЪ АЛЕКСАНДРОВСКІЕ ДНИ.

Губительное время молчаливо и неуклонно, какъ дорожную пыль въ вѣтрѣный день, сметаетъ одно поколѣніе людей за другимъ. Эти смѣны всего безотраднѣе ощущаются въ нашемъ быту, въ безконечныхъ мелочахъ жизни, въ наклонностяхъ, вкусахъ и обыкновеніяхъ каждой эпохи. Черезъ сто, двѣсти лѣтъ дойдутъ нетронутыми произведенія искусства: зданія, картины, книги, рукописи, но тепло быта, его горести и радости неуловимы, странно далеки, какъ приснившійся въ юности поцѣлуй первой любви, такой упоительный и такой обманчивый.

На нашу долю осталось только прислушиваться, какъ съ потемнѣвшаго, истрепаннаго фоліанта зазвучитъ неувѣренный лепетъ старины или покажется маленькій свѣтъ, прорвавшійся между складокъ опущеннаго, сумрачнаго занавѣса. Всякая, самая незначительная вѣсть оттуда „откуда никто не приходитъ“ (по слову поэта А. Дельвига) — необходима и драгоцѣнна, какъ рѣдкій самоцвѣтный камень, какъ нѣкоторое откровеніе, доселѣ невѣдомое.

Впервые печатаемая нами записки о четырехдневномъ пребываніи Императора Александра Благословеннаго въ Вологдѣ являются этой вѣстью, услышанной черезъ девяносто лѣтъ, въ условіяхъ жизни, измѣнившейся до полного несхожества.

Маленькая рукопись на пяти листахъ, запись впопыхахъ, старая синяя бумага (водяные знаки 1819 года), старательное сообщеніе о малѣйшихъ словахъ и движеніяхъ Государя — все это такъ ярко и живо переноситъ насъ въ далекое и милое время; мы видимъ улицы, на которыхъ толпится народъ, мы остро и терпко ощущаемъ настроеніе горожанъ и понимаемъ, какимъ событіемъ былъ, по тогдашнимъ временамъ, для захолустнаго сѣвернаго городка этотъ пріѣздъ Императора.

Непритязательно и просто записываетъ неизвѣстный свои впечатлѣнія, боясь пропустить хотя бы одну маленькую черточку пріемовъ, представленій, встрѣчъ, посѣщеній монастырей.

Безыскусному составителю удалось вызвать передъ нами тончайшіе оттѣнки быта, милого и забавнаго, цѣльнаго и напудреннаго, простодушнаго и хитраго въ мѣру. Передъ нами проходитъ рядъ живыхъ личностей — Александра, губернатора Брусилова, Витушешникова, дамъ-дворянокъ, дворянъ...

Но всего отчетливѣе виденъ самъ составитель „записокъ“ — мягкій, безкорыстный другъ губернатора, гордящійся его успѣхами у Государя, типичный романтикъ того времени, быть можетъ, отдыхающій въ провинціи отъ „ратныхъ трудовъ“ недавно закончившагося „ратоборства съ Корсиканцемъ“.

Мелочи быта, сочный, какъ спѣлые осенніе плоды, языкъ той эпохи, красочный, мѣткій, выпукло возсозданныя фигуры позволяютъ намъ заглянуть въ провинціальную старину „дней Александровыхъ“.

Личность Императора, этого „очаровательнаго сфинкса“, неразгаданнаго до гроба, всегда будетъ привлекать вниманіе изслѣдователя, какъ она уже привлекала и современниковъ.

На самомъ дѣлѣ, Александръ, пронизанный жадными и влюбленными глазами составителя „записокъ“, встаетъ передъ нами со всѣми характерными и загадочными чертами — выдержанностью, скрытностью, необыкновенной любезностью, обаятельностью обращенія и двуликостью, словомъ, какъ въ стихахъ Пушкина на извѣстный бюстъ работы Торвальдсена въ Императорской Публичной Библиотекѣ.

„Напрасно видятъ тутъ ошибку:
 Рука искусства навела
 На мраморъ этихъ устъ улыбку,
 И гнѣвъ на хладный лоскъ чела.
 Не даромъ ликъ сей двуязыченъ;
 Таковъ и былъ сей властелинъ:
 Къ противочувствіямъ привыченъ,
 Въ лицѣ и въ жизни арлекинъ!“

Уже съ первыхъ шаговъ Александра въ Вологдѣ мы чувствуемъ эту тонко расчитанную манеру всѣмъ быть довольнымъ, эту совершенно исключительную способность очаровывать людей и привлекать къ себѣ.

Доволенъ онъ приготовленною, гдѣ-то въ полѣ, палаткою для переодѣванія при вѣздѣ въ городъ; нерасчетливый губернаторъ Брусиловъ, явившійся встрѣчать Императора въ ботфортахъ и безъ пудры, немедленно получаетъ милостивое разрѣшеніе „быть въ сапогахъ“; доволенъ онъ домомъ купцовъ Витушешниковыхъ, улицами, набережной; ни одного слова ни-

кому укора, вездѣ милости, награды, сдержанность въ комическихъ положеніяхъ, въ которыя попадаетъ Императоръ черезъ усердіе Брусилова и т. д.

Губернаторъ Брусиловъ рисуется старательнымъ управителемъ, немного наивнымъ и сентиментальнымъ, настойчивымъ и упорнымъ, съ зычнымъ голосомъ, вообще нѣсколько провинціальнымъ „недотѣпой“, здоровымъ, сильнымъ, и краснощекимъ.

Богатые купцы Витушешниковы, осчастливленные уже навсегда пребываніемъ Государя въ ихъ домѣ, молчаливые и застѣнчивые, крѣпкая, многочисленная семья изъ стариковъ, невѣстокъ, братьевъ и сестеръ...

А этотъ, такъ удавшійся, дворянскій балъ, шумный, хмѣльной, наивный и неизгладимый, дорогой современному эстету, который, быть можетъ, только теперь вполнѣ очаровался Пушкинскимъ баломъ въ „Евгеніи Онѣгинѣ“:

„Мазурка раздалась. Бывало,
 Когда гремѣлъ мазурки громъ,
 Въ огромномъ залѣ все дрожало,
 Паркетъ трещалъ подъ каблукомъ,
 Тряслися, дребезжали рамы;
 Теперь не то: и мы, какъ дамы,
 Скользимъ по лаковымъ доскамъ.
 Но въ городахъ, по деревнямъ,
 Еще мазурка сохранила,
 Первоначальныя красы:
 Припрыжки, каблуки; усы
 Всѣ тѣ же; ихъ не измѣнила
 Лихая мода, нашъ тиранъ,
 Недугъ новѣйшихъ россіянь.
 Какъ гонить бичъ въ песку манежномъ
 На кордѣ гордыхъ кобылицъ, —
 Мужчины въ округѣ мятежномъ
 Погнали, дернули дѣвицъ.
 Подковы, шпоры Пѣтушкова
 (Канцеляриста отставного)
 Стучать; Буянова каблукъ
 Такъ и ломаетъ полъ вокругъ;
 Трескъ, топотъ, грохотъ по порядку:
 Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ:
 Теперь пошло на молодцовъ:
 Пустились только не въ присядку.
 Ахъ легче, легче: каблуки
 Отдавать дамскіе носки!“

Эта простая и красивая жизнь навсегда умерла; ни мы, ни наши потомки никогда не переживутъ здороваго и плѣнитель-

наго чувства жизни, никогда не загорится надъ нашей и будущей жизнью примитивная и своеобразная иллюминация какъ бы изъ бумажныхъ фонариковъ, которая горѣла надъ Александровскимъ временемъ, таинственная и единственная.

Губительное время ушло впередъ — и такъ радостно и грустно подчасъ оглянуться на послѣднюю мирную остановку утомительной дороги, такъ близокъ и дорогъ неизвѣстный составитель „записокъ“, который когда-то, „улучивъ свободную минуту“, передалъ синей бумагѣ свои надежды и страхи, заставляя насъ съ первыхъ же строкъ насторожиться и выслушать его повѣсть.

15 октября 1824 года.

„Сегодня въ 8 часу вечера имѣли мы счастье встрѣтить Государя. Улучивъ свободную минуту, тотчасъ беру перо, чтобъ описать все съ подробностію ¹⁾).

Проливной дождь погасилъ почти всю нашу иллюминацію, наипаче около собора.

Въ полуверстѣ отъ города былъ приготовленъ для Государя домъ ²⁾ для переодѣванія, убранъ палаткою прелестно, и Государь очень былъ симъ доволенъ.

У собора ³⁾ встрѣтилъ Архіерей ⁴⁾, генераль-губернаторъ ⁵⁾, губернаторъ ⁶⁾ и всѣ чиновники. Архіерей говорилъ рѣчь

¹⁾ „Записки“, повидимому, принадлежатъ одному изъ тогдашнихъ дворянъ, занимавшихъ въ Вологдѣ служебное положеніе по выборамъ отъ дворянства. Фраза „улучивъ свободную минуту“... ясно указываетъ на то, что составитель обязанъ былъ участвовать во всѣхъ церемоніяхъ, вызванныхъ пріѣздомъ Государя. Словесная форма, въ какой передаются событія, позволяетъ думать, что „записки“ есть нечто иное, какъ длинное письмо, которыя такъ хорошо писали наши предки, — служилаго горожанина - дворянина своему пріятелю или родственнику въ деревню.

²⁾ Въ с. Кобылинѣ. Домъ былъ украшенъ женою управляющаго удѣльной конторой госпожей Готовцевой, которая въ награду получила отъ императора бриллиантовый фермуаръ.

³⁾ Воскресенскаго (1772—1776), въ стилѣ барокко. Къ пріѣзду Государя былъ придѣланъ ампирный порталъ, нынѣ онъ разрушенъ, покривился; его не поддерживали.

⁴⁾ Епископъ Онисифоръ, въ мѣрѣ Онисимъ Боровикъ (умеръ 20 апрѣля 1828 г.), коему Александръ Павловичъ пожаловалъ бриллиантовую панагію, хранящуюся нынѣ въ ризницѣ Вологодскаго Софійскаго собора. Въ 1814 году Онисифоръ былъ священникомъ молдаванской арміи. Онъ былъ духовникомъ при кончинѣ Кутузова въ Бунцлау. Послѣ пострига въ 1813 году, на слѣдующій годъ, былъ назначенъ Вологодскимъ епископомъ. Любопытныя о немъ свѣдѣнія даетъ И. П. Сахаровъ въ своихъ запискахъ (Русскій Архивъ, 1873, № 6).

⁵⁾ Ген.-губ. былъ Ст. Ив. Миницкій, вице-адмиралъ. Съ 1823 по 1830 г. г.-губ. Олонецкой, Вологодской и Архангельской губерній и главный командиръ Архангельскаго порта, 8 апрѣля 1890 года уволенъ отъ службы за предосудительные и пользамъ службы не соотвѣтствующіе поступки. (Общій морской списокъ, ч. IV, СПб., 1890, стр. 363—565).

⁶⁾ Брусиловъ, Ник. Петр. (1782—1849). Съ 1820 по 1834 г. г. былъ Вологодскимъ губернаторомъ. Сентиментальный писатель. Журналистъ. Въ 1805 году издавалъ первый прогрессивный „Журналъ Россійской Словесности“. Оставилъ небольшую брошюрку „Описание Вологодской губ.“ П. 1833 г. Интересны его воспоминанія, напечатанныя въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ за 1893 годъ, т. LII (апрѣль) стр. 37—71. (Предисловіе В. Боцяновскаго).

краткую и сильную ¹⁾). Всѣ были въ пудре и башмакахъ. Губернаторъ въ ботфортахъ со шпорами и безъ пудры. Многіе губернатора пугали насчетъ сего наряда, но, напротивъ, Государь черезъ барона Дибича и при представленіи приказалъ губернатору быть въ сапогахъ.

Изъ собора Государь въ дорожномъ экипажѣ съ генераль-губернаторомъ поѣхалъ въ назначенный домъ ²⁾). Губернаторъ на крыльцѣ встрѣтилъ Государя, отрапортовалъ словѣсно и потомъ подалъ рапортъ. Государь изволилъ принять и, сдѣлавъ уже шага три, вдругъ оборотился и изволилъ милостиво сказать: — Мнѣ пріятно сдѣлать Ваше знакомство.

Это точныя его слова.

Тотчасъ генераль-губернаторъ позванъ къ Государю, Губернаторъ оставался у Дибича.

Когда генераль-губернаторъ вышелъ, позвали губернатора.

Государь изволилъ спросить — давно ли губернаторъ въ Вологдѣ, послѣ кого принялъ должность и спрашивалъ о населеніи, о городѣ, о заведеніяхъ приказа, о тюрьмѣ, изволилъ спросить: женатъ ли губернаторъ, на комъ, есть ли дѣти, не родня ли губернатору Брусиловъ, бывшій въ уланахъ и губернаторомъ въ Вильнѣ; потомъ изволилъ сказать, что генераль-губернаторъ отмѣнно порекомендовалъ его и что ему пріятно будетъ дать знакъ его благоволенія и пр.

Минутъ 20 губернаторъ былъ у Его. Государь спросилъ — въ какомъ домѣ живетъ губернаторъ, хорошъ ли домъ.

Губернаторъ воспользовался симъ случаемъ доложить Государю: сколь для него и жены его прискорбно, что не имѣли счастья принять его въ своемъ домѣ, и объяснилъ ему причины ³⁾.

— Это все равно, — сказалъ Государь. — Я доволенъ очень домомъ. Это приготовлено твоими трудами. Слѣдственно все тоже, какъ бы я былъ у тебя.

Государь столь былъ милостивъ, что не имѣю словъ изъяснить.

Оставя все относящееся до Вологды, изволилъ даже губернатору рассказывать о своемъ путешествіи и проч. и проч.,

¹⁾ Въ рѣчи Онисифоръ говорилъ о восторгѣ жителей, не встрѣчавшихъ своихъ вѣнценосныхъ вождей со времени Петра Великаго — СПб. Вѣдомости за 1824 годъ, № 89 (ноябрь).

²⁾ Домъ бургомистра первой гильдіи купца Витушешникова, владѣльца сахарныхъ заводовъ и соляныхъ присковъ, коммерціи совѣтника; — нынѣ Вол. Губ. Зем. Управа. Домъ Витушешникова былъ построенъ въ 1822 — 1823 годахъ двухъэтажнымъ, нынѣшній третій этажъ надстроенъ недавно. Къ пріѣзду Государя, о которомъ знали, готовились заранѣе. Для росписыванія плафоновъ въ домѣ, спѣшно вызвали изъ Петербурга знаменитаго тогда художника П. И. Скотти, (Pietro Skotti 1768 — 1838), который и росписалъ, повидимому, одинъ потолокъ (теперешній кабинетъ предѣдателя управы).

³⁾ Повидимому, былъ ремонтъ въ домѣ.

два раза отпускалъ губернатора, и губернаторъ раскланивался, и два раза ворочалъ, хвалилъ дороги, городъ, — словомъ осыпалъ милостями ¹⁾).

16-го числа ²⁾).

Сегодня представлялись духовные, военные, потомъ гражданскіе чиновники и купечество.

Когда Государь вышелъ, генераль-губернаторъ представилъ губернатора.

— Мы уже познакомились, — сказалъ Государь. — Я знаю его брата и дядю, — и, подойдя къ губернатору, началъ спрашивать: зачѣмъ его братъ подалъ въ отставку, гдѣ онъ и проч.

Потомъ спросилъ:

— Онъ меньшей тебѣ братъ?

— Государь! — отвѣчалъ губернаторъ — онъ мнѣ двоюродной.

— Я думалъ — родной.

И тотчасъ оборотился къ чиновникамъ. Губернаторъ началъ ему представлять безъ всякаго списка: было чловѣкъ сорокъ.

Въ продолженіи представленія Государь раза три быстро на губернатора взглядывалъ; губернаторъ думалъ не потому ли, что слишкомъ рѣзко говорилъ чины и фамиліи; но губернаторъ, слава Богу, не смѣшался и продолжалъ все до конца.

Государь откланялся и, оборотясь, сказалъ:

— Громко люблюсь Вашей памятью.

Прежде еще Дибичъ говорилъ губернатору.

— Гдѣ же Вашъ списокъ?

— У меня его нѣтъ.

— Да вы съберетесь?

— Нѣтъ!

¹⁾ „Въ этотъ вечеръ, и въ слѣдующіе за нимъ два, Вологда была прекрасно иллюминирована: лицевая сторона гимназіи, семинарія и присутственные мѣста ярко освѣщены были шкаликами; по правую сторону набережной, начиная отъ церкви Николая Чудотворца, что на Извести, до самага Краснаго моста устроено было нѣсколько блестящихъ щитовъ и о с о б е н н ы й противъ дома Витушешниковыхъ, на рѣкѣ, съ вензелевымъ изображеніемъ имени императора... Долго горѣли огни въ домахъ, долго толпился народъ передъ квартирой императора, безумолку продолжая восклицать привѣтствіе Ура“.

„Императоръ къ величайшему удовольствію народа, несмотря на октябрьскій холодъ, не одинъ разъ выходилъ на балконъ къ восторженной и терпѣливой толпѣ, которая вѣроятно простояла бы цѣлую ночь, если-бы не надобно было дать покой Высокому посѣтителю“ Волог. Епарх. Вѣд. за 1867 годъ, № 10, стр. 352 (Н. Суворовъ).

²⁾ „На другой день (16 окт.) снова заливала, полная радости, Вологда. Еще не проглянулъ свѣтъ Божій, какъ любопытная толпа ремесленниковъ, работниковъ и всякаго рода людей собралась на набережную, и какъ пчелы около улья, роилась вокругъ „новаго дворца Вологодскаго“. Ibidem, стр. 352.

Такъ и было, ни въ словѣ не ошибся!

Послѣ представленія Государь осматривалъ гимназію, заведенія приказа, тюрьму и вездѣ оставался доволенъ. Церковь въ тюрьмѣ ему очень понравилась.

Войдя въ одну камору, губернаторъ доложилъ, что здѣсь содержатся убійцы, и что они помѣщены въ камору потому, что въ тюрьмѣ еще сыро ¹⁾.

— Хорошо, но почему у нихъ нѣтъ оковъ?

— Ваше Величество, дѣло въ томъ, что убійство не доказано. Они только подъ подозрѣніемъ.

— Прекрасно.

Возвратясь домой и отдохнувъ немного, изволилъ одинъ ѣздить въ холодный Софійскій соборъ и изъ онога къ Архіерею, въ Духовъ монастырь и Прилуцкій монастырь за четыре версты отъ города.

Вечеру удостоилъ присутствіемъ балъ, дворянствомъ данный.

Губернаторъ встрѣтилъ Государя у крыльца.

Наверху лѣстницы встрѣтили хозяйки: жена губернатора ²⁾, губернская предводительша ³⁾, контръ-адмиральша Федорова, сенаторша Рындина и жена градскаго главы ⁴⁾.

Губернаторъ представилъ ихъ Государю.

Онъ изволилъ взять подъ руку губернатора жену и съ нею вошелъ въ залъ, раскланиваясь, и открылъ съ нею польской въ первой парѣ. Лишь кончилъ, подошелъ къ губернатору и сказалъ:

— Что ты не танцуешь?

Потомъ танцевалъ съ Федоровой, съ Брянчаниновой, съ Рындиной. Когда съ хозяйками кончилъ танцы, губернаторъ началъ подводить тѣхъ дамъ и дѣвицъ, коихъ самъ Государь въ списокѣ изволилъ назначить, особенно воспитанницъ институтовъ.

Лишь губернаторъ подвелъ первую, Государь сказалъ:

— Это сестра твоей жены?

— Нѣтъ, Государь.

— А гдѣ же она?

— Она будетъ имѣть счастье танцевать съ Вашимъ Величествомъ послѣ.

И послѣ она танцевала.

¹⁾ Тюремный замокъ былъ оконченъ постройкой незадолго до пріѣзда Государя.

²⁾ Брусилова.

³⁾ Брянчанинова, жена Н. И. Брянчанинова, состоявшаго въ званіи предводителя дворянства съ 1820 по 1826 годъ. Портретъ Брянчанинова находится среди другихъ портретовъ предводителей дворянства, висящихъ въ Вологодскомъ Двор. Собраніи.

⁴⁾ Витушешникова, урожденная Ягодникова.

Почти всѣ польскіе Государь былъ въ первой парѣ и бралъ тѣхъ, которые были назначены для танцовъ съ нимъ.

Губернаторъ доложилъ ему еще о дамѣ.

— Дай отдохнуть.

— Если Вы устали вальсировать, Ваше Величество, тогда можно танцовать кадрили... Если Вы соблаговолите позволить?..

— Прекрасно.

Въ кадрилѣ была и жена губернатора.

Кадриль кончилась. Музыка играла. Губернаторъ нѣсколько позамѣшкалъ и думалъ, что еще танцуютъ.

Тѣснота была ужасная.

Государь подозвалъ губернатора и сказалъ:

— Перестали ужъ танцовать. Вели польской.

Губернаторъ подвелъ даму. Государь, оттанцовавъ, сказалъ:

— Это не та дама, которую ты приводилъ ко мнѣ.

— Точно та, Государь.

— Нѣтъ, та была въ другомъ платьѣ.

— Государь! та самая.

— Ты думаешь, что та? Быть по твоему!

— Государь, виноватъ, можетъ-быть, я ошибся.

— Покажи мнѣ жену градскаго главы, я не танцовалъ съ нею.

Губернаторъ подвелъ купчиху Витушешникову, и Государь съ нею танцовалъ.

Всего танцовалъ 30 разъ несказанно милостиво. Нигдѣ не танцовалъ такъ много. На балѣ пробылъ часъ съ четвертью. При отъѣздѣ хозяйки хотѣли проводить его, онъ не допустилъ.

— Mesdames, не безпокойтесь. Прошу Васъ.

На балѣ еще нѣсколько разъ говорилъ губернатору:

— Что ты не просишь дамъ садиться?

Когда губернаторъ шелъ съ лѣстницы, всѣ дворяне за нимъ, Государь сказалъ:

— Ваше Превосходительство! воротитесь на балъ.

Губернаторъ проводилъ его до коляски.

Государь изволилъ сказать, что онъ благодаренъ, что все превзошло его ожиданіе ¹⁾.

¹⁾ Въ Вол. Двор. Собр. въ большомъ залѣ прибита на стѣнѣ мраморная доска, по которой золотыми буквами вырѣзано: „Императоръ Александръ I, во время пребыванія своего въ Вологдѣ 14 октября 1824 года, удостоилъ присутствіемъ своимъ данный въ домѣ семъ вологодскимъ дворянствомъ балъ и изволилъ выразить удовольствіе въ слѣдующихъ словахъ: „Все мною видѣнное въ Вологдѣ далеко превзошло мое ожиданіе“.

Дата 14 октября не вѣрна. Государь только вечеромъ 15 октября пріѣхалъ въ Вологду, 14 октября онъ былъ въ Грязовцѣ. Балъ могъ быть слѣдовательно не ранѣе 16 октября. См. СПб. Вѣдомости за 1824 годъ, № 89 (ноябрь), а также книгу Н. Брусилова „Описаніе Волог. Губ.“ СПб. 1833 г., стр. 19.

Не можете представить, какой восторгъ произвели слова сіи! Всѣ губернатора цѣлуютъ и поздравляютъ. Генераль-губернаторъ благодаритъ.
Слава Богу!

17-го числа.

Сегодня въ 8 часу утра Государь изволилъ ѣздить одинъ въ Дѣвичій монастырь и, объѣхавъ весь булеваръ, возвратился въ 10 часу домой. Послѣ того, въ цѣлый день никуда не выѣзжалъ и занимался дѣлами.

Въ два часа были приглашены къ столу: архіерей, генераль-губернаторъ, губернаторъ, губернской предводитель Брянчаниновъ и полковникъ Жолвинскій. Сверхъ того обѣдали Дибичъ, Вилліе и 5 класса Ващенко и Соломка. Всего десять человѣкъ. По правую руку Государя сидѣлъ архіерей, по лѣвую генераль-губернаторъ, губернаторъ возлѣ его. За столомъ Государь весьма много говорилъ съ губернаторомъ, спрашивалъ о губерніи, о зырянахъ, потомъ рассказывалъ ему о новыхъ постройкахъ въ Москвѣ.

— Вы теперь не узнаете Москвы, — изволилъ сказать. — Помните, какое было неопрятное мѣсто вдоль стѣны? Все это обдѣлано. Кузнецкаго моста уже нѣтъ. Тутъ прекрасные дома, театры и пр. ¹⁾.

Передъ обѣдомъ хвалилъ еще булеваръ ²⁾, сравнивалъ это мѣсто города съ Рождественскою частью въ Петербургѣ. Послѣ стола изволилъ выйти на балконъ.

Народъ, собравшійся во множествѣ, закричалъ „Ура“!

Государь, обращаясь къ губернатору сказалъ:

— Какая прекрасная у васъ набережная!

Словомъ, все изволилъ находить хорошимъ. Хвалилъ также иллюминацію, и губернскому секретарю, который смотрѣлъ за работой, пожаловалъ 300 руб. ³⁾. Готовцовой за отдѣлку комнаты, гдѣ переодѣвался, Шипиловой и княжнѣ Засѣкиной, подносившимъ свои работы, и кресницѣ своей Зубовой пожаловалъ фермуары. Многимъ пожаловалъ деньги, подарки и

¹⁾ Императоръ Александръ Павловичъ былъ страстнымъ любителемъ зодчества, много строилъ въ своей жизни, такъ что, по праву, сооруженія его царствования должны называться построенными въ стилѣ „Александровскаго классицизма“. Н. П. Брусиловъ раздѣлилъ его страсть къ зодчеству. Брусилову Вологда обязана насажденіемъ классическихъ традицій зодчества. Затѣянный Александромъ разговоръ съ Брусиловымъ объ отстройкѣ Москвы, такимъ образомъ, является очень характернымъ. Разговоръ этотъ пріятель былъ Брусилову, а у Александра было положительное нетерпѣніе доставлять людямъ на словахъ пріятное.

²⁾ Посаженный Н. П. Брусиловымъ.

³⁾ Угрюмовскому.

проч. За столомъ еще повторилъ, что балъ ему очень понравился. Ссылался на своихъ дорожныхъ товарищей (указывая на Дибича), что ни въ какомъ губернскомъ городѣ не былъ на балѣ ¹⁾.

Сегодня канунъ праздника городского ²⁾.

Государь изволилъ сказать, что завтра будетъ у обѣдни въ Спасской церкви.

Новый знакъ милости, ибо по маршруту назначенъ отъѣздъ!

Губернаторъ нашель свободную минуту съѣздить въ церковь. Воротясь оттуда, сряду четыре фельдъегеря одинъ за однимъ присылались къ губернатору отъ Дибича, то съ подаркомъ кому-нибудь, то съ деньгами, то съ повелѣніемъ быть вмѣсто Государя воспреемникомъ отъ купели ³⁾.

Наконецъ, часу въ девятомъ вечера, можно сказать, вбѣгаетъ къ губернатору фельдъегерь...

— Ваше Превосходительство! поздравляю съ лѣнтою! — и подаетъ пакетъ.

Вообразите губернатора положеніе?

Губернаторъ видѣлъ милость Государя, но могъ ли подумать, чтобы черезъ два мѣсяца послѣ чина получить лѣнту?!?

Въ ту же минуту надѣлъ лѣнту, поѣхалъ къ Дибичу и генераль-губернатору. Оба сказали, что Государь во всѣхъ частяхъ совершенно имъ доволенъ.

— Только одно находитъ Государь, — сказалъ Дибичъ. — Вы нѣсколько круто принимаетесь за устройство.

18-го числа.

Сегодня въ семь часовъ утра генераль-губернаторъ и губернаторъ благодарили Государя.

Подойдя къ губернатору, онъ изволилъ сказать:

¹⁾ Нѣкоторая неточность. Государь сказалъ, что „онъ ни въ одномъ губернскомъ городѣ не былъ такъ долго на балѣ, какъ въ Вологдѣ“. С.-Петербургскія Вѣдомости за 1824 годъ, № 89 (ноябрь).

²⁾ Такъ называемый, Лукинъ день. Празднованіе установлено нѣсколько вѣковъ назадъ. Въ 1654 году въ Вологдѣ была страшная „морозная язва“. Устрашенное население, по единодушному стремленію, въ одну ночь воздвигло небольшой храмъ, названный Спасомъ Обыденнымъ. Мѣстный лѣтописецъ оставилъ намъ жуткую и поэтическую картину этой ночи: „Начали рубить въ 6 часу ночи, а клали со свѣточи и зажигали скалы на батогахъ, свѣтили свѣтло; а срубили за два часа до дни; а святить начали въ пятомъ часу дни“.

Донинъ у Спаса Обыденнаго каждагодно на 18 октября бываетъ ночное моленіе.

³⁾ Императоръ Александръ имѣлъ огромное количество крестниковъ и крестницъ. „Крестить“ было положительно его страстью. Любопытно по этому поводу привести письмо Пушкина къ Плетневу отъ 7 января 1831 года, въ которомъ, сообщая Плетневу о „дерзкомъ“ приглашеніи Николая Перваго С. Глинкой въ кумовья, Пушкинъ писалъ: „Нашокинъ увѣряетъ, что всѣхъ избаловалъ покойникъ Царь (Александръ Первый), который у всѣхъ крестилъ ребятъ“.

— Ваше Превосходительство! Поздравляю Васъ и повторяю Вамъ, что совершенно доволенъ устройствомъ города, дорогъ, словомъ, все превзошло мое ожиданіе. Есть еще нѣкоторые улицы и дома, которые не приведены въ порядокъ, но по краткомъ времени нельзя было сего и сдѣлать. Но я надѣюсь, что Вы исподоволь все исправите.

Съ полными слезъ глазами, въ умиленіи и благодарности, хотѣлъ губернаторъ поцѣловать Его руку, онъ остановилъ его:

— Нѣтъ, дай руку.

Взялъ за руку и два раза губернатора поцѣловалъ.

— Прощай, — изволилъ сказать — женѣ кланяться.

Потомъ поѣхалъ въ Спасскую церковь и, отслушавъ обѣдню, въ 9 часу сѣлъ въ дорожную коляску и поѣхалъ.

17-го числа ввечеру Государь Императоръ изволилъ пожаловать генералъ-губернатору орденъ Св. Владимира 2-ой ст. со звѣздой и 2500 ассигнаціями денегъ. Вологодскому полицеймейстеру Домашневу состоятъ при арміи подполковникомъ, ибо оный чинъ хотя онъ и имѣлъ, но данъ былъ ему при отставкѣ и, 18-го числа утромъ, отправляясь въ путь и, садясь въ коляску, Государь сказалъ полицеймейстеру:

— Для чего безъ эполетъ?

Онъ отвѣтилъ, что не имѣетъ.

Государь тотчасъ приказалъ надѣтъ, что было и исполнено. 17-го числа ввечеру хозяевъ и хозяекъ дому купцовъ Витушешниковыхъ пригласилъ къ себѣ въ комнаты и поблагодарилъ за доставленное ему удовольствіе квартирой, отзываясь довольнымъ, хвалилъ домъ, и пожаловалъ матерѣ тѣхъ купцовъ перстень, женѣ старшаго сына серьги, и малолѣтней дочерѣ фермуаръ, стоящіе не малой цѣны ¹⁾).

И вотъ, что еще служить особеннымъ благоволеніемъ Государя, какъ къ городу Вологдѣ и къ хозяевамъ квартиры,

¹⁾ У наслѣдниковъ купцовъ Витушешниковыхъ хранится до сихъ поръ небольшая краснаго дерева столикъ (Екатерининской поры), обложенный по краю тонкимъ серебрянымъ ободочкомъ, на коемъ вырѣзано, что этотъ столикъ находился у кровати Александра Перваго. Въ семейныхъ преданіяхъ разсказывается, что Государь поздней ночью, ложась спать, случайно оперся на столикъ и, замѣтивъ, какъ тотъ заковылялся, попросилъ пилу и собственноручно немного опилилъ одну ножку. На утро Государь велѣлъ передать хозяевамъ, что „это сдѣлалъ онъ въ память своего у нихъ пребыванія“.

Недавно столикъ былъ выставленъ въ Петровскомъ домикѣ въ Вологдѣ (Петровскій домикъ—музей основанъ въ честь кратковременнаго въ немъ пребыванія Великаго Императора Петра, при проѣздахъ его на Архангельскія верфи въ 1692—1724 г.г. Петръ въ Вологдѣ былъ пять разъ). Губернское земство, вѣдающее домикомъ и собирающее туда самыя разнообразныя вещи, покупало историческій столикъ у владѣльцевъ, но покупка не состоялась, такъ какъ владѣльцы въ послѣдній моментъ не пожелали разстаться съ интересной реликвіей.

что всѣмъ при домѣ Витушешниковыхъ людямъ пожаловаль — мужчинамъ по 50 рублей, а женщинамъ по 10 рублей. Прикащику тѣхъ купцовъ, который находился при комнатахъ, часы золотые. И чтобъ никто изъ служащихъ у купцовъ Витушешниковыхъ не остался безъ награжденія, то на имѣющійся у нихъ здѣсь сахарный заводъ работникамъ пожаловаль 500 рублей.

Всѣ здѣшніе чиновники представлены къ разнымъ награжденіямъ, ибо Государь Императоръ сего требоваль отъ генераль-губернатора и губернатора, говоря, что нѣтъ ли кого представить къ награжденіямъ.

Но вотъ драгоцѣнная черта царской милости, какъ истиннаго отца своихъ подданныхъ: 16-го числа утромъ изъ комнатъ Государя высланъ былъ флигель-адъютантъ Соломка, который именемъ Императора объявилъ всенародно, что не имѣеть ли кто прошеній, что бы оныя представляли небоязненно, что и исполнилось.

Но, слава Богу, по Вологодской губерніи, какъ слышно, все было спокойно, и если поступили какія прошенія, то о награжденіи и бѣдности“.

Быть можетъ, это письмо, въ свое время, въ далекой усадьбѣ было получено съ трепетомъ и несказаннымъ волненіемъ, его читали и перечитывали; молоденькія помѣщицы завидовали счастливицамъ-горожанкамъ, танцовавшимъ съ Государемъ польской; помѣщики мечтали о представленіи; а старая древняя бабушка, бывавшая при дворѣ Екатерины, въ тысячный разъ повторила разсказъ о своей молодости подъ тихое мерцаніе Коллетовскихъ свѣчей, сидя въ глубоченномъ вольтеровскомъ креслѣ, окруженная цвѣтникомъ изъ внука и внуковъ.

На минуту отвлеченные отъ современности, мы молодѣемъ, улыбаемся милой идилліи, улыбаемся снисходительно и съ тайной грустью къ невозвратимо миновавшему.

И намъ поютъ стихи великаго поэта въ утѣшеніе, поютъ настойчиво и ласково:

Все мгновенно, все пройдетъ;
Что пройдетъ, то будетъ мило.

Иванъ Евдокимовъ.

